

**СЕКСУАЛЬНОЕ НАСИЛИЕ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ЭГО-ДОКУМЕНТА:
ПРОШЕНИЕ ЕВГРАФА ГЛАЗЫРИНА 1871 ГОДА**

По меркам своего времени Михаилу Карповичу Глазырину, жителю деревни Ключи Логиновской волости Екатеринбургского уезда, можно сказать повезло, – он вырастил сыновей, женил их и жил в окружении большого семейства. Взрослым детям продолжал «покровительствовать»: «наделил нужным имуществом», «устроил всем им отдельные домохозяйства». Они отвечали ему тем же: признавали благодетелем, а младший сын оставался с родителем, чтобы поддержать его в старости¹. Патриархальную идиллию нарушал обладатель вздорного характера сын Евграф. Непослушный отпрыск в зимний мясоед 1861 г. женился на Екатерине Ивановне Патрушевой, но жить с молодой женой у отца не остался – предпочел перебраться к тестю в село Арамилское. Отсюда в 1863 г. его и забрали в рекруты.

Обычная история незадавшейся судьбы молодого человека, посягнувшего на устои деревенской морали – повиновение старшим. Из деревенского социума таким была прямая дорога в армию. Но жизнь повернула иначе. Непокорный сын сделал успешную военную карьеру – дослужился до унтер-офицерского чина и в начале 1870-х гг. вернулся в родные места в статусе временноотпускного. Армейская служба деревенского парня обтесала, однако почитать старика-родителя не научила. Скорее, наоборот: Евграф не простил отцу прошлые обиды и решил расквитаться по-крупному. Удачно выслужившийся крестьянский сын пишет прошение на имя царя, обвиняя родного папашу в сексуальном преступлении. На делопроизводственном языке обвинение звучало как «склонение к преступной связи своих снох», по-простому же этот грех именовался «снохачеством».

Снохачество – половые отношения свекра с супругой сына – было весьма своеобразным феноменом русской сексуальной культуры. Его смысл не исчерпывается определением энциклопедического словаря

Брокгауза-Эфрона, предполагающим под снохачеством добровольную плотскую связь между ближайшими родственниками и свойственниками, знающими, что они состоят в родстве². Кроме инцеста это явление подразумевало сексуальное домогательство, нередко прямое насилие над женщиной. Амурные похождения главы дома, кроме того, бросали тень на сына, законного мужа молодой женщины, и собственно эту женщину, сказываясь на атмосфере в семье, репутации двора и его жителей в деревенском социуме. Сын снохача оказывался в состоянии тяжелейшей фрустрации: страдало его мужское самолюбие, сыновний долг и любовь к отцу подвергались серьезному испытанию, нередко он боялся заступиться за поруганную честь своей законной супруги, а, если узнавал, что близость произошла с ее молчаливого согласия, то даже не решался свести с ней счеты. Другим участникам драмы – снохе, свекрови и самому снохачу, – человеческие чувства, моральные максимы и общественное мнение также не обещали легкой жизни. Снохачество приводило к искажению поколенческих, гендерных и родственных отношений, жестко нормированных в традиционной семье, угрожало основополагающим семейным устоям.

Бороться с ним пытались по-разному. Молодые жены могли пожаловаться на действия свекра мужьям, свекрови, остальным домашним, духовному пастырю во время исповеди, привлечь к своему положению общественное мнение, местное самоуправление, наконец, обратиться в судебные инстанции. Аналогичным путем поступали и другие заинтересованные лица. Иногда жертвы старческой похоти решались на побег или молодая пара удалялась из родительской семьи. Со временем сыновья все чаще стремились к физической расправе над отцом-блудодеем, не останавливаясь перед его убийством³.

Значение слова «снохачество» было богато на негативные коннотации. Однако община считала сексуальные отношения своих членов внутренним делом семьи, по крайней мере «мира», не подлежащим административной регуляции. Отклонения от общепринятого сексуального поведения старались исправить, не предавая случившегося огласке. С точки зрения традиционной культуры подача Евграфом Глазыриным прошения на царское имя, которое означало вынесение такого непристойного явления как прелюбодеяние с кровосмешением на суд самого царя, выглядело весьма неординарным действием.

Из текста прошения следует, что Евграф пытался бороться с похотливостью отца деревенскими средствами: слушал «объявления» о притязаниях Михайло Глазырина от своей жены Катерины, принял «меры», когда стал замечать, что отец склоняет супругу к прелюбодеянию, наконец, ушел с молодой женой к тестю. Также видно, что получил он от родителя за свои попытки бороться сполна: жена и он сам попали в «нерасположение» к старику до такой степени, что тот практически выгнал их из дома и лишил сына земельного надела.

У челобитной Евграфа Глазырина были невысокие шансы быть написанной из-за несоответствия предписаниям крестьянской культуры, а при написании столь же малая вероятность стать предметом разбирательства властей, поскольку, как выяснилось, ее текст был составлен с нарушением правил. Временный судебный следователь 2-го участка Екатеринбургского уезда Николаев заявлял, что полицейское управление «в противность» 4-й статьи «Наказа полиции» прошение унтер-офицера приняло, хотя делать этого было не должно, поскольку «кроме голословных обвинений» её текст не содержал никаких доказательств. По мнению юриста, он представлял собой обыкновенный донос, и это было третьей причиной, по которому документ могли не рассматривать.

Однако именно эти характеристики помогают опознать в прошении признаки не столько источника личного происхождения, сколько эго-документа: речь в нем идет об очень личных обстоятельствах, и это роднит его с эго-свидетельствами несмотря даже на то, что интимная информация передана крайне формальным образом и больше соответствует делопроизводственному, даже законодательному языку. С учетом же того, что изложенное в тексте при производстве полицейского дознания не подтвердилось, и следствие получило все основание рассматривать его как донос, то есть клевету, его можно квалифицировать как фантазии двух «состряпавших» этот пасквиль лиц: Евграфа Глазырина и екатеринбургского мещанина, фамилия которого осталась неизвестна за неразборчивостью подписи. Однако воображение, мечты, вымысел – отражают внутренний мир человека и имеют самое непосредственное отношение к его «эго», хотя проявление безудержной фантазии и могло повредить заявителям.

Вымысел в доносе должен выглядеть достоверно. И это вновь говорит о том, что в оговоре отца Евграф вынужден был использовать знание о действительно имевших место случаях, происшествиях и реакции на них людей.

Содержание прошения показывает, какими средствами его авторы пытались сделать донос правдоподобным, описав героев своего рассказа как жертв. Согласно документу, первая из них, жена Евграфа Катерина, прореагировала на притязания свекра так, как обязана была прореагировать каждая честная «мужняя жена»: она пожаловалась мужу, добавив о своем «несогласии на то». Среди других невесток её действия представлены самым выигрышным образом, не бросая тень ни на нее, ни на ее мужа. Вторая жертва, Надежда Ивановна, жена старшего сына Филиппа, оскандалилась: её «застали на самом преступлении» муж с братом, а в числе свидетелей оказался совсем посторонний мужчина – крестьянин д. Калюткиной А. Д. Ваулин. Еще сильнее опозорила семью третья жертва, Мария Агафоновна, жена сына Федора. Сначала ей, как и супруге Евграфа Катерине, удавалось уклоняться от интимных отношений со свекром, но после того, как он совершил над ней насилие, женщина не стерпела и предала случившееся огласке – довела о нем до сведения представителя местного самоуправления старшины Н. Я. Ананьева. Рассказ о «шашнях» престарелого ловеласа заканчивается описанием его «связи» с женой четвертого сына, Ориной Гавриловной. То, что эта порочная особа оказалась «уже сосланной в Сибирь за дурное поведение и распутную жизнь», придало вес остальным фактам и стало заключительным аккордом челобития Евграфа.

Судебные дела первой половины – середины XIX в. показывают, что застать свекра и сноху во время прелюбодеяния, могли самые разные лица, что женщины жаловались на сексуальное насилие местным властям, что сельчане избавлялись от нежелательных субъектов путем ссылки их в Сибирь. То есть описанные Евграфом случаи не выглядели откровением или чем-то не бывалым для уральской деревни того времени. Настораживает их концентрация в отдельно взятой семье. В четырех пунктах проситель умудрился изложить о снохачестве все или почти все, его текст – энциклопедия данного явления.

Представлено поведение снохача (от «склонения» до прямого насилия), спектр откликов женщин на возможность кровосмешения (от согласия распутной Орины до несогласия остальных невесток), степень секретности кровосмесительной связи (удалось оставить в тайне от всех, «застукали» свидетели), набор возможных свидетелей (от самых «заинтересованных» лиц – мужей, сыновей, деверей, до случайных знакомых), бездействие – действия невесток (от жалоб мужьям до официальных заявлений властям), бездействие – действия их мужей (от превентивных «мер» до ухода жить к тестю и написания прошения на высочайшее имя) и ответное недовольство виновника случившегося (от проявления отрицательных эмоций к дерзнувшему каким-то способом сопротивляться его воле до отказа им от дома и от выделения земельного надела), а также шаги, которые мир имел возможность применить к распутным женам (но не к их соблазнителью!), в крайнем случае – выселение своих порочных членов в Сибирь. С реальными случаями снохачества схожи даже приводимые в прошении его темпоральные характеристики: приставание свекра начиналось вскоре после появления молодой женщины в его доме (в тексте фигурирует 20-недельный срок), и попытки эти могли предприниматься им неоднократно.

Возникает вопрос, почему обращение к царю за справедливостью написано таким образом? Нам кажется, это произошло потому, что автора нельзя квалифицировать уже только как деревенского человека. За время службы Евграф «вкусил» культуры, в которой секс занимал иное место. Тем более что усвоение именно этой ее части у солдата, по определению обреченного в казарме на половое воздержание с его неизменным спутником – проституцией, происходило ускоренными темпами. Пагубную и от того не менее банальную и бытовую черту деревенской жизни он использует как сырье для выстраивания новых городских мыслительных конструкций, в которых его родитель из обыкновенного снохача превращается в секс-машину, реагирующую на любую юбку. Такое отношение к половому влечению явно почерпнуто заявителем из обыденности городской жизни. В ней меняется и понятие преступления на сексуальной почве и отношения к таким преступлениям власти. Евграф знал, что в городе государственный контроль уже дошел до спальни, «влез» в интимную жизнь горожанина. Он оценивает действия отца как противные закону и считает, что заявить на него обязан.

Это праведное стремление не имеет ничего общего с пошлым доносом, скорее, оно равносильно выполнению гражданского долга. «...Я не могу умолчать пред законом, а потому всеподданнейше прошу...», – пишет Евграф. Просит он, зная, что информацию о сексуальных отклонениях власть не упустит и, если следственные действия докажут вину отца, то она – из разряда уголовно наказуемых.

Ожидания унтер-офицера оправдались. Власти в лице полиции отреагировали жестко, на обороте прошения появилась резолюция: «Для немедленного производства дознания». Попыткой деревенского выскочки использовать закон для поправки патриархальных взглядов открыто возмущился лишь судебный следователь Николаев. Он стремился поставить деревенщину на место. В претензиях Евграфа это должностное лицо видело лишь навет сына на отца, самого сына иначе как «доноситель» не называло, а его обвинения расценивало как поклеп, возводимый неблагодарным чадом на главу семьи и почтенного старца.

Дело застопорили на этапе полицейского дознания. Оно было проведено таким образом, что доводы вернувшегося домой унтер-офицера были «отвергнуты всеми его братьями и их женами». Невестки твердили, что «никогда от свекра своего дурных слов не слышали». При этом дознавателями оказался «даже не спрошен и сам доноситель». Однако они обнаружили у него мотив: «...Делает это, чтоб насильно завладеть имением отца»⁴. Следователь Николаев с удовлетворением констатировал: «...Полицейская власть, основываясь на собранных данных, ни в коем случае не может прийти к заключению, что в исследованных ею фактах она открыла происшествие, соединенное с преступлением или проступком»⁵. Приступить к производству уже непосредственно следствия он не мог.

Таким образом, прошение на высочайшее имя хода не получило. Оно осталось лишь свидетельством изменения взглядов на сексуальность совершенно конкретного носителя народной культуры Евграфа Глазырина. Перемены в его сознании пришли на середину – вторую половину 1860-х гг. В истории страны эти годы связывают с понятием гласности. Видимо, подобные периоды связаны с раскрепощением личности и в первую очередь в сексуальной жизни. Унтер Глазырин

оказался восприимчив к новой жизни вне родной деревни до такой степени, что сделал попытку применить появившиеся у него опыт и знания для решения личных дел, независимо оттого, хотел ли он прибрать к рукам отцовское добро, свести с родителем старые счета или защитить честь свою и жены. Подобное, сугубо индивидуальное использование обращений к власти вновь позволяет воспринимать его прошение как эго-документ, текст которого мы приводим строго по источнику, с сохранением орфографии и пунктуации оригинала.

Прощение унтер-офицера Евграфа Михайловича Глазырина, обвинявшего своего отца, Михаила Карповича Глазырина, в кровосмешении¹. Дер. Ключи, Логиновская волость, Екатеринбургский уезд, Пермская губерния. 20 июля 1871 г.^{2), 3), 4)}

Всепресветлейший, державнейший,
Великий государь император
Александр Николаевич,
самодержец всероссийский, государь всемилостивейший!

Просит Временноотпускной⁶ Унтер Офицер⁷
9-го Гренадерского полка Сибирского⁸
Евграф Михайлов Глазырин, а о чем
мое прошение, тому следуют пункты:
1.,

В феврале месяце 1861 г., я вступил в 1-й законный брак с дочерью крестьянина села Арамильскаго⁹ Екатериной Ивановой Патрушевой, и до поступления моего в военную службу в 1863 г., проживая вместе с отцом своим, крестьянином Логиновской волости, д. Ключей¹⁰, Михайлом Карповым, стал замечать, что отец мой начал склонять жену мою Екатерину к прелюбодеянию с ним, для отвращения сего его намерения, я предпринял меры, – отец же, не видя успеха к удовлетворению своей страсти, и не получая согласия на страсть его от жены моей, он без всякого надела выгнал нас из дома своего, ныне возвратившись на родину, жена моя объявила мне, что свекор, а мой отец Михайло Глазырин не однократно наступал на нее, чтобы сделать прелюбодейство, но по несогласию ее на то, он оставлял замысл свой, за что, как я и жена моя находится в нерасположении его.

2.,

Кроме сего, отец мой Михайло Глазырин имел прелюбодейную связь с женою старшего моего брата Филиппа Михайлова – Надеждой Ивановой, с которою я и брат мой Алексей застали на самом преступлении, что видел крестьянин д. Калюткиной¹¹ Андрей Дмитриев Ваулин.

3.,

Отец мой Михайло, женивши сына, а моего брата Федора, который проживши в доме у отца недель 20-ть также начал склонять жену его Марью Агафонову, к прелюбодеянию, которая на то не соглашалась и один раз пожелал удовлетворить страсть свою насильно, но Мария Агафопова, освободившись от него, тот час же заявила о том старшине д. Пикановой¹² Николаю Яковлеву Ананьину.

4.,

С женой третьего моего брата Алексея Михайлова – Ориной Гавриловой, уже сосланной в Сибирь за дурное поведение и распутную жизнь, отец мой, Михайло Глазырин имел прелюбодейную связь, что лично видел брат мой Петр.

О таком важном законопротивном поступке отца моего Михайла Карпова Глазырина, я не могу умолчать пред законом, а потому всеподданнейше прошу⁴⁾

Дабы повелено было: о поступке отца моего Михайла Карпова Глазырина, произвести дознание, при котором я имею представить еще доказательства, и потом дознание для производства формального следствия передать по принадлежности и с виновным поступить по уголовным законам. Июля 20 дня 1871 г.

К поданию надлежит в Екатеринбургское Уездное Полицейское Управление. Сие прошение со слов просителя в черне сочинял и набело переписывал Екатеринбургский мещанин¹³ Григорий Яковлев Кодинский.

Жительство имею

д. Ключах Логиновской

волости Екатеринбургского уезда⁵⁾

ГАСО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 1924. Л. 1–2. Подлинник. Рукопись на печатном бланке гербовой бумаги.

¹⁾ Заголовок публикатора.

²⁾ Место и дата приводятся по документу.

³⁾ В верхнем правом углу надпись «20 июля 1871 г. в дело».

⁴⁾ В верхнем правом углу штамп об уплате гербового сбора в размере 20 копеек.

⁵⁾ По листам прошения скрепы: 1 – «к сему прошению проситель унтер офицер Евграф Михайлов Глазырин руку приложил»; 2 – «Вр[еменный] Суд[ебный] Следователь 2 участка».

Примечания и комментарии

¹ ГАСО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 1924. Л. 3 об.

² Брокгауз Ф.А., Эфрон И.А. Энциклопедический словарь. 1991. Т. 32. С. 801.

³ Подробнее см.: Голикова С.В. «Стариковское дело» и «бабья повинность»: уральские материалы XIX в. о снохачестве // Адам и Ева. Альманах гендерной истории. 2003. № 6. С. 20–31.

⁴ ГАСО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 1924. Л. 3 об., 4.

⁵ Там же. Л. 4.

⁶ После введения в 1834 г. бессрочного отпуска отпущенных в отпуск на определенное время стали называть «временно отпускными» или «билетными» (см.: Положение об увольнении нижних чинов военнo-сухопутного ведомства в бессрочный отпуск // ПСЗ-П. Т. IX. Отд. I. № 7374).

⁷ Унтер-офицер – чин, воинское звание младшего командного состава.

⁸ 9-й Гренадерский Сибирский его императорского высочества Великого князя Николая Николаевича старшего полк. Дислоцировался в г. Владимире (см.: Луганин Ф.И. Краткая история 9-го Гренадерского Сибирский его императорского высочества Великого князя Николая Николаевича старшего полка, 1700–1889. Тамбов, 1889).

⁹ Арамильское – центр Арамильской волости 3-го стана Екатеринбургского уезда Пермской губернии.

¹⁰ Ключи – деревня Логиновской волости Екатеринбургского уезда Пермской губернии.

¹¹ Колюткино – деревня Белярской волости Екатеринбургского уезда Пермской губернии.

¹² Пиканово (в официальных документах Гилево) – деревня Логиновской волости Екатеринбургского уезда Пермской губернии.

¹³ Мещанин – городское податное сословие (см. подробнее: Шилкина В.В., Федоров В.А. Мещане // Отечественная история. История России с древнейших времен до 1917 г.: Энциклопедия. Т. 3. М., 2000. С. 570–572).